

Мои отношенія къ штабу отдѣльнаго корпуса жандармовъ въ 1871 году, шефу жандармовъ графу Шувалову и извѣстному публицисту славянофилу г. Аксакову.

Въ 1871 году, когда я находился въ составѣ слушателей старшаго выпускнаго класса Военно-Юридической академіи, Николаемъ Андріановичемъ Неклюдовымъ¹⁾, состоящимъ преподавателемъ въ младшемъ классѣ этой академіи общаго уголовного права, было сдѣлано мнѣ предложеніе прочесть нѣсколько лекцій по общему уголовному праву и уголовному судопроизводству въ штабѣ корпуса жандармовъ офицерамъ, желающимъ перейти на службу въ упомянутый корпусъ. Предложеніе это меня крайне удивило, и я тогда же заявилъ Николаю Андріановичу Неклюдову, у котораго считался лучшимъ слушателемъ преподаваемаго имъ предмета, что едва-ли, будучи ученикомъ, я въ состояніи исполнить роль преподавателя. Выслушавъ меня, Н. А. Неклюдовъ замѣтилъ, что офицеры, которымъ я буду преподавать, не имѣютъ, по всей вѣроятности, даже понятія объ уголовномъ правѣ, да и моя задача будетъ состоять главнымъ образомъ въ томъ, чтобы ознакомить слушателей съ нашими дѣйствующими криминальными законами и судопроизводствомъ въ предѣлахъ составленія дознанія, про-

¹⁾ Въ 1870 году Николай Андріановичъ Неклюдовъ былъ почетнымъ мировымъ судьей въ городѣ С.-Петербургѣ и въ то же время читалъ лекціи общаго уголовного права въ младшемъ курсѣ Военно-Юридической академіи. Въ 1871 году Н. А. Неклюдовъ былъ старшимъ юрисъ-консультомъ Министерства Юстиціи, а затѣмъ, какъ извѣстно, состоялъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, исполняя обязанность оберъ-прокурора Сената. Умеръ Н. А. Неклюдовъ уже въ должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ.

токоловъ и такъ далѣе. Надо, добавилъ Николай Андріановичъ, чтобы будущіе жандармскіе офицеры усвоили себѣ вполнѣ предѣлы своей власти. Если согласны, въ заключеніе сказалъ Н. А. Неклюдовъ, то возьмите мою карточку и отправляйтесь къ юрисъ-консульту третьяго отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи дѣйствительному статскому совѣтнику Баженову. На другой день, облекшись въ парадную форму, я отправился въ штабъ отдѣльнаго корпуса, жандармовъ, ибо въ зданіи, гдѣ помѣщался штабъ упомянутаго корпуса, находилось и третье отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи, а также и проживалъ самъ шефъ жандармовъ генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ, пользующійся въ то время правомъ министра, если не болѣе. Послѣ свиданія съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Баженовымъ и объясненій съ нимъ по отношенію характера и направленія моихъ лекцій, я по его указанію направился къ начальнику штаба корпуса жандармовъ генералъ-маіору Никифораки.

Генералъ-маіоръ Никифораки принялъ меня любезно, сообщилъ мнѣ, что въ тридцать лекцій въ теченіе мая и іюня мѣсяцевъ я долженъ буду познакомить слушателей съ нашими дѣйствующими законами, за каждую же лекцію буду получать по пяти рублей, что меня тогда обрадовало, такъ какъ сто пятьдесятъ рублей въ то время было для меня солидною суммою. Въ первой половинѣ мая я началъ преподаваніе и черезъ нѣсколько лекцій успѣлъ познакомиться съ моими слушателями въ количествѣ двадцати восьми офицеровъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ армейскихъ полковъ. Конечно, всѣ эти офицеры не столько заинтересованы были профессиональною обязанностью жандармеріи, сколько денежнымъ жалованіемъ, установленнымъ для офицеровъ въ корпусѣ жандармовъ въ размѣрахъ, значительно большихъ, чѣмъ въ дѣйствующихъ войскахъ. Вотъ почему изъ моихъ слушателей большинство мечтало занять мѣста при управленіи желѣзныхъ дорогъ, а не въ дополнительномъ штатѣ при начальникахъ губернскихъ жандармскихъ управленій.

Останавливаться на моихъ лекціяхъ я не буду, скажу только одно, что всѣ слушатели являлись аккуратно и, какъ мнѣ тогда казалось, были заинтересованы тѣми свѣдѣніями, которыя имъ сообщались. Практическія занятія также шли успѣшно, такъ что въ концѣ іюня мѣсяца я думалъ уже сообщить генералъ-маіору Никифораки объ окончаніи моихъ занятій. Случилось однако одно обстоятельство, вынудившее меня измѣнить

мое намѣреніе и именно: отъ начальника С.-Петербургскаго губернскаго жандармскаго управленія полковника Полозова я узналъ, что въ штабѣ корпуса жандармовъ имѣются секретныя инструкции, крайне характерныя. но требующія разъясненія, при чемъ инструкции эти имѣютъ важное значеніе для офицеровъ, зачисленныхъ въ корпусъ жандармовъ, почему, пояснилъ мнѣ полковникъ Полозовъ, вамъ слѣдовало бы истребовать эти инструкции и въ особенности послѣднюю, шефа графа Шувалова, чтобы разъяснить ихъ вашимъ слушателямъ.

Согласившись вполнѣ съ заявленіемъ полковника Полозова, я обратился къ генераль-маіору Никифораки съ просьбой о выдачѣ мнѣ секретныхъ инструкцій. Просьбу мою генераль-маіоръ Никифораки хотя и рѣшилъ исполнить, но какъ мнѣ тогда показалось нехотя, предупредивъ при этомъ меня, что выданную мнѣ инструкцію шефа жандармовъ графа Шувалова я обязываюсь никому не передавать и даже возвратить обратно по минованіи въ ней надобности. Получивъ въ тотъ же день инструкцію шефа жандармовъ графа Шувалова, на какой инструкціи сверху было напечатано „весьма секретно“, я отправился на свою квартиру, но на Морской встрѣтился съ г. Аксаковымъ, извѣстнымъ литераторомъ-славянофиломъ. Познакомился я съ Аксаковымъ въ Москвѣ, а въ С.-Петербургѣ, состоя уже слушателемъ Военно-Юридической академіи, неоднократно встрѣчался съ нимъ на вечерахъ въ знакомомъ мнѣ семействѣ, гдѣ также бывали: Некрасовъ, Писаревъ, Салтыковъ-Шедринъ, Спасовичъ и многія другія лица, извѣстныя тогда въ Россіи по своей литературной дѣятельности.

„Откуда и куда „грядеши“?, спросилъ меня Аксаковъ. Когда же я ему сообщилъ, что иду изъ штаба отдѣльнаго корпуса жандармовъ къ себѣ домой, то Аксаковъ, какъ бы удивленный моимъ отвѣтомъ, сказалъ „какое же отношеніе Вы имѣете къ нашей жандармеріи“?, но послѣ моего подробнаго объясненія той роли, которую мнѣ пришлось выполнить въ штабѣ жандармовъ, Аксаковъ замѣтилъ: „труды Ваши бесполезны, такъ какъ въ средѣ нашей жандармеріи трудно привить основы правовыхъ понятій“. Узнавъ же отъ меня, что я получилъ отъ генераль-маіора Никифораки секретную инструкцію для жандармскихъ офицеровъ, Аксаковъ просилъ меня познакомить его съ этою инструкціею, для чего и предложилъ мнѣ зайти въ кафе-ресторанъ и тамъ позавтракать, на что я охотно согласился. Когда въ кафе-ресторанѣ въ пассажѣ на Невскомъ намъ подали кофе, то Аксаковъ получилъ отъ меня инструкцію

начать ее читать, что отняло времени не болѣе какъ четверть часа, ибо содержаніе инструкціи не отличалось многосложностью и заключало въ себѣ только шесть печатныхъ страницъ. Во время чтенія инструкціи Аксаковъ то улыбался, то хмурился, а передавая мнѣ обратно инструкцію, высказалъ—„эту замѣчательную инструкцію составлялъ, конечно, самъ шефъ жандармовъ графъ Шуваловъ, Баженовъ ее исправлялъ, а генераль-маіоръ Никифораки корректуру держалъ“. „Короче говоря“, добавилъ тогда Аксаковъ, „чтобы создать такую инструкцію, надо обладать не шуточною фантазією и, отрѣшившись отъ міра дѣйствительности, допустить сверхъестественное, то-есть, что всѣ офицеры отдѣльнаго корпуса жандармовъ имѣютъ болѣе чѣмъ солидное энциклопедическое образованіе въ сферѣ всѣхъ научныхъ знаній, не исключая даже торговаго дѣла“. „Ну да“, въ заключеніе пояснилъ Аксаковъ, „можно какую угодно грамотку написать, но кто же ее будетъ выполнять, когда нѣтъ для того пригодныхъ людей: поручить офицерамъ— это будетъ равносильно создавать преступленіе тамъ, гдѣ нѣтъ даже намека и на проступокъ“. Прощаясь со мною, Аксаковъ сказалъ „вчера я встрѣтился съ генераль-адъютантомъ Тимашевымъ¹⁾ и на его вопросъ, гдѣ по моему мнѣнію находятся вожакі революціоннаго броженія, шутя отвѣтилъ: въ третьемъ отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи, а теперь, прочтя инструкцію, думаю, что моя шутка близка къ правдѣ“.

Возвратившись къ себѣ на квартиру, я, не теряя времени, прочелъ указанную инструкцію и тогда же вполнѣ согласился съ соображеніями г. Аксакова. Инструкція заключала въ себѣ двадцать пять пунктовъ или постановленій; изъ нихъ десять постановленій имѣли характеръ общій, а пятнадцать — деталь- ный, какъ бы разъясняющій общее положеніе. Инструкція шефа жандармовъ графа Шувалова сохранилась у меня и по настоящее время. Подробно останавливаться на инструкціи считаю излишнимъ, такъ какъ признаю вполнѣ достаточнымъ въ общемъ обрисовать ея цѣль и направленіе. Весьма секретная инструкція шефа жандармовъ графа Шувалова разрѣшала офицерамъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ помимо присвоенной имъ формы носить обще-армейскую, а также и переодѣваться въ гражданское платье,

¹⁾ Генераль-адъютантъ Тимашевъ въ то время былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, ему, то-есть Тимашеву, въ обществѣ присваивалось тогда названіе „министръ Морской“, въ виду того, что каждый день его можно было встрѣтить гуляющимъ по Морской улицѣ.

когда это будетъ необходимо для успѣха розыска. Инструкція рекомендовала жандармскимъ офицерамъ лично собирать свѣдѣнія о дѣятельности нашихъ государственныхъ, административныхъ и судебныхъ учреждений, а также и учреждений общественныхъ, какъ-то: банковъ, биржъ и такъ далѣе, не игнорируя при этомъ и функционированіемъ учебныхъ заведеній отъ низшихъ до высшихъ. Собирая свѣдѣнія, жандармскій офицеръ долженъ дѣйствовать въ тайнѣ и отнюдь не обнаруживать своихъ стремленій. Главнымъ образомъ жандармскій офицеръ обязанъ разузнавать о зарожденіи въ средѣ общества вредныхъ идей соціально-революціоннаго характера и по всякому подозрѣнію секретно производить дознаніе, не придавая однако ему официальнаго характера. Если по наведеннымъ справкамъ обнаружались явные признаки политическаго или даже общаго преступленія, то объ этомъ жандармскій офицеръ долженъ довести до свѣдѣнія начальника губернскаго жандармскаго управленія, который, вторично провѣривъ основательность подозрѣнія, обязанъ немедленно сообщить обо всемъ секретно въ С.-Петербургъ шефу жандармовъ. Кромѣ того инструкція шефа жандармовъ графа Шувалова, подобно прежнимъ инструкціямъ графа Бенкендорфа и князя Орлова, требовала, чтобы жандармскіе офицеры не уклонялись отъ принятія всякаго рода жалобъ частныхъ лицъ на неправильныя дѣйствія государственныхъ, административныхъ, судебныхъ и общественныхъ учреждений, конечно въ предѣлахъ губерніи и области, при чемъ жалобы эти представлялись начальникамъ губернскихъ жандармскихъ управленій, которые въ свою очередь, по провѣркѣ заявленій опять же путемъ не гласнымъ, обязывались представлять жалобы съ своими разъясненіями въ С.-Петербургъ шефу жандармовъ. Такимъ образомъ офицеры отдѣльнаго корпуса жандармовъ при шефѣ жандармовъ графѣ Шуваловѣ поставлены были въ положеніе лицъ, какъ бы контролирующаго функционированіе правительственныхъ и общественныхъ органовъ до губернатора включительно, но для этого, конечно, необходимо было имѣть солидное научное энциклопедическое образованіе, какового образованія жандармскіе офицеры, къ сожалѣнію, не имѣли. Послѣ разъясненія инструкціи шефа жандармовъ графа Шувалова моимъ слушателямъ я сообщилъ генераль-маіору Никифораки объ окончаніи моей работы и что мои слушатели по моему мнѣнію могутъ быть допущены къ экзамену; „весьма секретную“ инструкцію графа Шувалова съ разрѣшенія генераль-маіора Никифораки я удержалъ у себя.

Нельзя не замѣтить, что общество, по крайней мѣрѣ, въ С.-Петербургѣ въ 1870 и 1871 годахъ относилось къ синимъ жандармскимъ мундирамъ съ эксельбантами съ какою-то подозрительностью, соединяя съ этимъ мундиромъ много активныхъ дѣйствій, препятствующихъ къ свободному развитію общественныхъ воззрѣній, хотя жандармскихъ офицеровъ можно было встрѣтить въ клубахъ, но только въ общей армейской формѣ. Можетъ быть „секретная инструкція“ и приносила пользу по обнаруженію неправильныхъ дѣйствій административныхъ и государственныхъ лицъ и учрежденій, такъ какъ еще Императоръ Николай Павловичъ признавалъ, что отдѣльный корпусъ жандармовъ является Его платкомъ, утирающимъ слезы несчастныхъ. Но такое положеніе отдѣльнаго корпуса жандармовъ въ царствованіе Императора Александра Николаевича Царя Освободителя невольно измѣнилось въ силу послѣдовавшихъ прогрессивныхъ реформъ.

Въ іюль того же 1871 года состоялся экзаменъ офицерамъ, моимъ слушателямъ въ количествѣ двадцати восьми лицъ. Въ экзаменаціонной комиссіи предѣдательствовалъ самъ шефъ жандармовъ генераль-адъютантъ Шуваловъ и по всей вѣроятности потому, что организація лекцій для подготовленія къ исполненію обязанностей жандармскихъ офицеровъ была первою затѣею графа Шувалова. Въ составъ экзаменаціонной комиссіи, кромѣ меня, вошли: юрисъ-консулъ Баженовъ, юрисъ-консулъ министерства юстиціи Н. А. Неклюдовъ и генераль-маіоръ Никифораки. Отвѣты экзаменуемыхъ какъ словесные, такъ и письменные, на предложенныя мною темы настолько были вполне удовлетворительны, что всѣмъ двадцати восьми офицерамъ послѣ экзамена было объявлено самимъ шефомъ, что они будутъ переведены на службу въ отдѣльный корпусъ жандармовъ, а мнѣ лично высказалъ графъ Шуваловъ благодарность за мои труды. Не могу умолчать, что во время экзамена произошелъ случай, до нѣкоторой степени встревожившій меня. Послѣ довольно основательныхъ отвѣтовъ поручика гусарскаго полка Боровитинова въ предѣлахъ уголовнаго судопроизводства, ему былъ предложенъ шефомъ жандармовъ графомъ Шуваловымъ вопросъ, какъ онъ, Боровитиновъ, понимаетъ секретную инструкцію въ смыслѣ обнаруженія зарожденія преступныхъ революціонныхъ идей? На вопросъ этотъ поручикъ Боровитиновъ смѣло отвѣчалъ: „только съ виѣшней стороны, Ваше Сіятельство, то-есть когда мною будетъ обнаружено явное сборище революціонеровъ, для совершенія какого-либо преступнаго дѣла, такъ какъ отдѣлить безвредное убѣжде-

ніе отъ преступныхъ, при отсутствіи внѣшней оболочки, я лишень всякой возможности по недостаточности моего соціально-научнаго образованія“, Отвѣтъ поручика Боровитинова какъ бы озадачилъ графа Шувалова, и онъ послѣ нѣкотораго колебанія спросилъ меня: „мою секретную инструкцію Вы объясняли?“ на что я, конечно, далъ отвѣтъ утвердительный, при чемъ добавилъ, что высказанное поручикомъ Боровитиновымъ есть результатъ, однако, личнаго его убѣжденія.

Въ началѣ августа начался выпускной экзаменъ военно-юридической академіи, по окончаніи этого экзамена, я причисленъ былъ къ первому разряду окончившихъ курсъ военно-юридической академіи, а потому и подлежалъ къ зачисленію въ военно-судебное вѣдомство. Изъ двадцати четырехъ штатныхъ слушателей военно-юридической академіи въ 1871 годъ только окончило курсъ по первому разряду семнадцать лицъ, а остальные семь—по второму, почему эти послѣдніе, получивъ только право на ношеніе академическаго знака, должны были возвратиться снова въ строй.

Въ концѣ августа мною было получено письмо отъ генераль-маіора Никифораки съ предложеніемъ зайти въ штабъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ для личнаго съ нимъ объясненія. На другой день по полученіи письма я отправился къ генераль-маіору Никифораки, который, принявъ меня крайне любезно, заявилъ, что со мною желаетъ лично говорить самъ шефъ жандармовъ. Послѣ чего генераль-маіоръ Никифораки, поднявшись по винтовой лѣстницѣ, соединявшей непосредственно кабинетъ начальника штаба съ кабинетомъ самого шефа графа Шувалова, оставилъ меня на нѣсколько минутъ одного, но вскорѣ я былъ приглашенъ въ кабинетъ шефа. Шефъ жандармовъ графъ Шуваловъ, поздоровавшись со мною, пригласилъ меня сѣсть и занять мѣсто за письменнымъ столомъ противъ него, а недалеко отъ меня расположился также и генераль-маіоръ Никифораки; въ кабинетѣ кромѣ насъ троихъ никого не было. „Вы, капитанъ“,—обратился ко мнѣ шефъ жандармовъ, „слышали, конечно, отвѣтъ поручика Боровитинова, но мнѣ кажется, пояснилъ графъ Шуваловъ, что отвѣтъ поручика, замаскированный скромностью, опредѣляетъ его способность и полную развитость, а потому и прошу васъ указать мнѣ, кого вы изъ вашихъ слушателей офицеровъ признаете болѣе способными къ розыскамъ по преступленіямъ политическимъ“. На такой оригинальный вопросъ графа Шувалова я могъ, конечно, дать только одинъ отвѣтъ, что совершенно признаю для себя невозможнымъ опредѣлять способность слуша-

телей въ смыслъ розыска, но кромѣ поручика Боровитинова къ болѣе развитымъ офицерамъ я могу отнести еще десять лицъ, при чемъ и указалъ фамиліи офицеровъ. Затѣмъ графъ Шуваловъ спросилъ меня, какую я желаю награду: крестъ или годовой окладъ жалованья. Поднявшись съ мѣста и поблагодаривъ графа поклономъ, я высказалъ желаніе получить денежную награду. Наконецъ, графъ Шуваловъ предложилъ мнѣ самому перейти на службу въ отдѣльный корпусъ жандармовъ, обѣщая при этомъ, что не далѣе, какъ черезъ три года, я буду произведенъ въ чинъ подполковника, а далѣе, спустя нѣкоторое время, могу получить начальника губернскаго жандармскаго управленія и по всей вѣроятности въ С.-Петербургѣ, до полученія же упомянутаго назначенія, я долженъ буду читать по-прежнему лекціи офицерамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принимать участіе въ работѣ III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Къ этому графъ Шуваловъ добавилъ, что до назначенія меня начальникомъ губернскаго жандармскаго управленія, мнѣ будетъ опредѣленъ годовой окладъ жалованья въ двѣ тысячи пятьсотъ рублей—содержаніе по времени довольно солидное. Несмотря однако на выгодное предложеніе, я рѣшился заявить графу Шувалову мой отказъ и главнымъ образомъ на томъ основаніи, что намѣренъ служить въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, такъ какъ къ службѣ этой подготавливаюсь. Мой отрицательный отвѣтъ сверхъ моего ожиданія не взволновалъ графа, и онъ только замѣтилъ: „какъ хотите, но едва-ли вы будете получать въ военно-судебномъ вѣдомствѣ такое денежное содержаніе, какое я вамъ предлагаю, по если вы отказываетесь отъ моего предложенія, добавилъ графъ Шуваловъ, то не можете ли вы предложить кому-либо изъ вашихъ товарищей офицеровъ по академіи замѣнить васъ съ непремѣннымъ однако переходомъ на службу въ отдѣльный корпусъ жандармовъ“. Выполнить послѣднее предложеніе генераль-аэютанта графа Шувалова я съ охотою согласился, рассчитывая на лицъ, окончившихъ курсъ военно-юридической академіи по второму разряду.

Спустившись снова по лѣстницѣ въ кабинетъ начальника штаба, я намѣревался отправиться къ себѣ на квартиру, но былъ задержанъ генераль-маіоромъ Никифораки, который при прощаніи со мной высказалъ слѣдующее: „не служба въ военно-судебномъ вѣдомствѣ васъ вынудила, капитанъ, отказаться отъ предложенія графа, а несправедливое общественное предубѣжденіе противъ вообще жандармовъ, но дѣятельность отдѣльнаго корпуса жандармовъ довольно обширна и даже является

до нѣкоторой степени контролирующей функционированіе другихъ министерствъ кромѣ военнаго, благодаря высокому служебному положенію шефа жандармовъ ¹⁾).

Возвратившись къ себѣ на квартиру, я, переодѣвшись, немедленно отправится къ капитану Попову, хотя и окончившему курсъ по второму разряду, но человѣку вполне развитому и способному. Предложеніе мое крайне обрадовало Попова, и онъ, соглашаясь перейти на службу въ отдѣльный корпусъ жандармовъ, высказалъ по этому поводу свое удивленіе о моемъ отказѣ. Черезъ нѣсколько дней я вмѣстѣ съ капитаномъ Поповымъ отправились въ штабъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, при чемъ Поповъ захватилъ съ собою и аттестатъ, выданный ему объ окончаніи курса образованія въ военно-юридической академіи. Генераль-маіоръ Никифораки, просмотрѣвъ аттестатъ Попова и получивъ отъ послѣдняго согласіе о переходѣ на службу въ отдѣльный корпусъ жандармовъ, предложилъ капитану Попову подать объ этомъ прошеніе, и съ этимъ послѣднимъ актомъ мои личные отношенія къ названному штабу совершенно прекратились. Въ 1876 году, будучи уже подполковникомъ и помощникомъ военнаго прокурора кавказскаго военно-окружнаго суда, мнѣ пришлось побывать въ С.-Петербургѣ и зайти къ Попову, который тоже уже былъ подполковникомъ, но носилъ не жандармскую, а обще-армейскую форму. На мой вопросъ, доволенъ ли Поповъ службою, онъ высказалъ: работа не обременительная, читаю офицерамъ лекціи и принимаю участіе въ дѣятельности III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, хотя это участіе мнѣ не особенно нравится, такъ какъ приходится быть свидѣтелемъ иногда грустныхъ сценъ. При послѣднихъ словахъ Попова я невольно вспомнилъ слова г. Аксакова. Въ 1878 году подполковникъ Поповъ дѣйствительно получилъ мѣсто начальника губернскаго жандармскаго управленія, гдѣ-то въ провинціи, съ ежегоднымъ содержаніемъ пять тысячъ рублей, о чемъ онъ мнѣ сообщилъ письмомъ, которое мною однако утеряно.

Н. П. Хитрово.

¹⁾ Разговоръ мой съ генераль-адъютантомъ графомъ Шуваловымъ, генераль-маіоромъ Никифораки, а также и съ г. Аксаковымъ заимствованъ мною изъ моего дневника и отличается, конечно, полною достоверностью, а равно и всѣ данныя въ настоящей статьѣ.